

ZÁPADOČESKÁ UNIVERZITA V PLZNI
FAKULTA PEDAGOGICKÁ

BAKALÁŘSKÁ PRÁCE

Plzeň 2021

Artur Shashkov

Západočeská univerzita v Plzni

Fakulta pedagogická

Katedra Ruského jazyka
Studijní obor ruský jazyk se zaměřením na vzdělávání
Kombinace český – ruský

**Перевод фрагментов из книги «Проснуться в Сибуе»
от Анны Цимы**

Artur Shashkov

Vedoucí práce:

Phdr. Jana Sováková CSc.

Katedra ruského jazyka

Fakulta pedagogická Západočeské univerzity v Plzni

Plzeň 2021

Prohlašuji, že jsem práci zpracoval(a) samostatně a použil(a) jen uvedených pramenů a literatury.

Plzeň, květen 2021

.....

Poděkování: Chtěl bych poděkovat vedoucí své bakalářské práce PhDr. Janě Sovákové za její rady a čas, který mi věnovala při vypracování práce.

Содержание

Введение	6
1. Анна Цима	7
2. Теоретические основы	8
2.1 Общая теория перевода	8
2.2 Типы переводов.....	9
3. Перевод романа «Проснуться в Сибуя»	10
3.1 Комментарий к переводу	16
4. Заключение	18
5. Резюме	19
6. Литература	20
7. Вложения	21
7.1 Оригинал произведения «Проснуться в Сибуя»	21

Введение

Данная дипломная работа посвящена переводу фрагментов текста из книги Анны Цимы «Проснуться в Сибуре». Произведение написано на понятном и свежем разговорном языке. Роман молодой дебютной японистки-писателя, о поиске пути к другой культуре, о неясности реального мира и небрежности мечты.

Целью данной работы является создание качественного перевода романа с чешского на русский язык, и анализ возможных проблем перевода в комментарии. Представленная бакалаврская работа разделена на две части - теоретическую и практическую. В этой работе я буду сосредотачиваться на основных областях теории перевода, которые являются ключевыми в следующей практической части. Основываясь на переводческой литературе, мы постараемся охватить основную суть коммуникативной концепции процесса перевода, определить понятия эквивалентности и адекватности перевода и в связи с ними описать три основных типа перевода - адекватный, дословный и свободный перевод.

Теоретическая часть посвящена теории перевода, кросс-культурной дидактики, повествовательной стратегии, а также проблемам, возникающим при переводе чешского текста на русский язык. Я исследую степень, на сколько тексты должны быть идентичны, чтобы перевод все еще считался успешным.

Практическая часть — это сам перевод отрывков из разных частей произведения и комментарии к переводу.

Далее я сосредоточусь на различных подходах к вопросу о переводимости, попытаюсь определить суть замещения и компенсации при переводе, и в связи с этим я также упомяну возможные проблемы, которые могут возникнуть при переводе слов.

Можно предположить, что возникшими проблемами могут возникнуть такие факторы как: сложные конструкции предложений при переводе, чешские и японские термины, свежо-разговорный стиль текста.

Оригинал переведенного текста является частью вложения к дипломной работе.

1. Анна Цима

Анна Цима родилась в 1991 году, в городе Прага.

Молодая чешская японистка, окончила гимназию, а затем японоведчество на факультете искусств Карлова университета. На данный момент проживает со своим мужем Игорем, в Японии. Во время учёбы в гимназии она была очарована Японией, началом которой положил, в частности, рассказ Мураками «Послемрак». Она позаимствовала сюжет у Мураками, добавляет гениальный литературный оборот и самобытный стиль повествования.

Харуки Мураками – японский писатель и переводчик. Его произведения были переведены на 50 языков, и являются бестселлерами практически во всём мире. Был высоко оценён критиками и читателями, его художественная и научная литература принесла ему множество наград. Произведение «Послемрак» было переведено в 2007 году на чешский язык.

В 2018 году дебютировала с романом «Проснуться в Сибую», действие которого происходит в Токио, и названо в честь токийского района Сибуя. Роман основан на биографическом материале, несмотря на это, устроен куда сложнее, чем можно бы было ожидать.

Произведение строится зеркальным образом: две из трёх сюжетных линий отражаются друг в друге, чтобы в финале пересечься.

Роман получил премию Magnesia Litera за открытие года, премию Чешской книги и премию Иржи Ортена. Он также был издан в виде аудиокниги с рассказом Анны Камениковой и был удостоен награды «Аудиокнига года» в категории «Лучший исполнитель».

2. Теоретические основы

2.1 Общая теория перевода

Наука, которая занимается переводами и переводом называется переводоведение¹. Сегодня все больше внимания уделяется переводу, что кажется совершенно логичным, учитывая растущую взаимосвязанность современного мира. Наука о переводе — это наука, которая пытается описывать, анализировать и объяснять процессы, связанные с переводом и переводами, с помощью различных экспертных знаний и с использованием методов различных дисциплин.

Общая теория перевода основана на теории действия. Переводоведение входит в область прикладной лингвистики, прагматики как части теории культуры. Авторы понимают текст как предложение информации. Оригинал текста и перевод понимают как два разных набора информации, где перевод может содержать дополнительную информацию о коммуникационной ситуации и форме оригинального текста в ней. Переводческая деятельность должна осуществляться в соответствии с ожиданиями целевой культуры в соответствии с ее формальными и культурными особенностями. Основным критерием решения переводчика является функция перевода как целевого предложения информации. Переводчик должен решать, что и как, основываясь на его знаниях, переводить исходную и целевую ситуации.

Наиболее важной целью для перевода является так называемый скопос². Согласно Рейссу и Вермееру³, цель освящает средства; Действия автора перевода определяются его целью. Перевод должен быть согласован не только сам по себе, но и с оригиналом текста. Он должен быть создан с учетом целевого получателя. Текст, который впоследствии переводится для этой дипломной работы, содержит ряд современных терминов, связанных с технологиями и названиями японских:

¹ Переводоведение - гуманитарная дисциплина, изучающая процесс и результаты устного и письменного перевода а также широкий круг смежных явлений..

² Синоним::: цель, функция.

³ FIŠER, Zbyněk. Překlad jako kreativní proces: teorie a praxe funkcionalistického překládání. Vyd. 1. Brno: Host, 2009. Studium (Host). S. 131-136.

улиц, городов, блюд и т.д. Я долго думал, стоит ли их сохранять или каким-то образом их модифицировать для читателя. Однако на основе этой теории я решил сохранить эти концепции, поскольку целью было создать ту же атмосферу, что и в оригинальной тексте. Целевым получателем также должен быть читатель, знакомый с современными технологиями, и концепциями, связанными с этой областью. Исходя из этого предположения, все названия были оставлены без изменений или объяснений.

2.2 Типы переводов

По степени эквивалентности и адекватности традиционно различают три типа перевода — дословный, свободный и адекватный перевод. Адекватный перевод — это цель, к которой должен привести процесс перевода. Это перевод, который уравнивает оригинальную работу и читателя-получателя; хотя он воспринимает и интерпретирует произведение с его современной и социальной точки зрения, он делает это в рамках объективных качеств произведения, уважает его индивидуальность и передает произведение читателю в наименьшей степени искаженной форме.⁴

Дословный перевод, в отличие от адекватного перевода, скорее склонен к оригинальной работе; фокусируется больше на самой работе, чем на читателе-адресате, и, стремясь максимизировать точность, переводчик часто переводит оригинальный текст механически, воспринимает работу только как краткое изложение деталей, а не как единое целое, и часто не учитывает различия между различными структурами обоих языков.

В наше время буквальный перевод встречается редко, но в период романтизма, например, тенденция максимально точно охватить лингвистическую сторону произведения и, таким образом, сохранить его особенность, была очень сильной - даже за счет разборчивости, стилистической стороны произведения и его эстетического эффекта.

Мы говорим о свободном переводе, а также об адаптации, в то время, когда

⁴ (Hrdlička, 2003, s. 22)

оригинальное произведение воспринимается неоправданно креативным способом, а не как о произведение, вдохновляющее только оригиналом. По степени свободы перевода мы говорим о перефразировании, адаптации, пересказе и т.д.

Отклонение от оригинальной работы может быть вызвано как творческие амбиции автора, так и слишком большим взглядом к предполагаемому читателю-адресату или уступка вкусу времени, этическим или идеологическим нормам и т. д. Свободный перевод широко использовался в период классицизма, когда литературное произведение довольно часто «исправляло» перевод, чтобы соответствовать строгому современному эстетическому стандарту.⁵

Однако большая или меньшая степень произвола по переводу часто встречается даже сегодня, либо по причинам, изложенным выше, либо из-за простой некомпетентности переводчика.

3.Перевод романа «Проснуться в Сибуя»

13-14 стр. (Часть 4)

Родители всё еще вместе. Я, наверное, единственный в окружении человек, чьи родители не развелись. Первая волна родительских разводов поразила наше поколение где-то во втором классе. Моя сестра, в то время еще ходила в детский сад, однажды на выходных она рисовала за обеденным столом, и невзначай спросила отца: «Папа, когда вы с мамой разведетесь?» Отец, готовивший ужин, стоял посередине кухни с лопаткой в руке, в полном недоумении.

- «Что ты такое говоришь, дорогая? Почему мы должны развестись?»

- «Просто у остальных родители уже разведены и только вы до сих пор нет.

Поэтому мне интересно, когда это случится», невозмутимо сказала, и продолжала рисовать. Она думала, что развод был обычной частью семейной жизни, и она чувствовала себя среди других детей в невыгодном положении,

⁵ (Vilíková, 1984, s. 75–77).

потому что наши родители были еще вместе. Они никогда не кричали друг на друга, не устраивали сцены и жили в одном доме. Сестра не могла понять, как это может быть возможным, что родители Анетки, Майды и Чарли уже все это пережили, в то время как наши родители еще даже не работали над этим.

Самая большая заслуга в этом - моей мамы, прекрасно владеющей принципами, которым японские жёны следовали в прошлом столетии, а именно необходимостью терпеть. Я не думаю, что вечные страдания это правильно для жены - но способность моей матери терпеть, несомненно поддерживала её отношения с отцом, поэтому их брак не распался. Хоть мой отец и не буддийский монах в Шри-Ланке, но он в последнее время ведёт почти монашескую жизнь, постоянно закрывается в своём кабинете, и выходит только на обед. Я чувствую, что ему почти всё равно, что делают окружающие его люди. Например, моё творчество не имеет для него значения. Несколько лет назад он время от времени останавливал меня и спрашивал, что я читаю и как мне это нравится, или я прочту ему часть того, что я пишу. Но в последнее время он ничего не спрашивает. Его даже не волнует, что мама делает на работе или как у сестры дела в школе. Он постоянно работает и читает, и на нас у него не хватает энергии. Смотреть на него грустно. Но я все ещё думаю, что это лучше, чем бы он был на Шри-Ланке. Мама поддерживает меня в моём творчестве. Вот только она постоянно мне говорит: «Что ей больше всего нравилось то, как Я писала о нашей бабушке. Почему бы мне снова не написать что-нибудь о бабушке?» Но я думаю, что автор должен развиваться. А о бабушках уже написано так много, что чешской литературе не нужна ещё одна бабушка.

25-27 стр. (Часть 12)

В шестнадцать лет я разместила объявление в первый и последний раз, в своей жизни. Я хотела найти японского друга. Тогда это было действительно невинной идеей. Я даже не могла сказать ни слова по-японски, но я уже хорошо говорила по-английски. Мне ответил Сатору. Он жил в Пльзене и был намного старше меня. Я должна признать, что он мне показался подозрительным с самого начала. Но я не могла упустить эту возможность. Поэтому я договорилась о

встрече с ним в торговом центре на Зличине. Я думала, что там будет много людей, и если, не дай Бог, что-то начнёт происходить, я закричу, и кто-то заступится. Когда я приехала на место встречи, Сатору уже был там. На первый взгляд он выглядел обычным. Я немного успокоилась.

- «Смотри, - Я ему сразу сказала, - я просто ищу друга, хорошо?»

-«Конечно», - согласился он.

Мы заказали кофе.

- «Сколько тебе лет?» - спросил он.

- «Шестнадцать. А тебе?»

- Тридцать.

Обнаружив, что мой потенциальный друг был на четырнадцать лет старше меня, Я немного удивилась. Посмотрев на кофе передо мной, Я подумала, о чем мне с ним говорить? О чем говорят 30-летние мужчины? Но, прежде чем я смогла начать разговор с подходящего вопроса, Сатору настиг меня.

- «Могу ли я прикоснуться к тебе?» - спросил он меня.

-«Что?» Вылупив глаза. Это было быстро. «Нет, не можешь, - быстро покачав головой, - Я просто ищу друга.» Я смотрела, как его рука ползет по столу к моему кофе. «Я серьезно - сказала ему, - прекрати это, или я пойду домой!» Сатору выглядел, как испуганная собака. Затем он убрал руку обратно к своей кружке. Я почувствовала облегчение. Итак, это мы прояснили. Теперь нам нужно начать разговор:

- «Где ты работаешь?»

- «Я работаю в японской компании, которая делает телевизоры. А ты?»

Я на втором курсе в гимназии. Его рука снова скользнула по столу.

- «Я правда не могу держать тебя за руку?» Я бы очень хотел.

- Нет!

- Я слишком одинок.

Это было бессмысленно. Я попросила принести счёт и пошла домой. Но тут Сатору схватил меня за запястье и потянул в противоположную мне сторону торгового центра,

- «Отпусти меня!»

- «Не волнуйся, я просто хочу тебе кое-что показать!»

Он потащил меня по коридору.

- «Но Я не хочу ничего видеть!»

- «Только не волнуйся, пошли.»

Что, черт возьми, он хочет мне показать? Я серьезно думала о том, чтобы звать на помощь, когда Сатору наконец отпустил меня. Мы стояли перед магазином электроники.

Я не понимала, что происходит.

- «Пойшли!» - сказал он мне, направляясь к телевизору.

Я бережно последовала за ним. Мы прошли пылесосы, бритвы и радио. Мы подошли к плазменным телевизорам.

- «Хорошо», сказала я.

Но Сатору хотел показать мне не телевизор. Он заставил меня обойти полки сзади, поэтому мы наблюдали за грудой кабелей и кнопок, выступающих из задней части экранов. Я смотрела на это в недоумении. Я вообще не понимала, что происходит. Затем Сатору наклонился к ближайшему телевизору и указал на штрихкод, наклеенный под штекером самого толстого кабеля. Я наклонилась немного ближе. На маленькой наклейке было написано: «Проверил Сатору Танака».

-«Я проверил это», - сказал Сатору, гордо выставив грудь.

Затем он меня поцеловал. Я даже ничего не успела предпринять. Я стояла в непонимании, в клубке кабелей. Вот так меня поцеловал абсолютно незнакомый японец. Песня «Love is in the Air» заиграла в торговом центре.

На первом курсе колледжа я поделилась этим опытом с одноклассницей. Она, даже не моргнув, вытащила свой телефон и недолго в нём искала что-то. Затем она мне сунула устройство в лицо.

- «Это был он?» Очевидно, что я была не единственной, кого Сатору пытался охмурить телевизором.

39-43 стр. (Часть 1-2)

Субботний вечер. Всё, что я точно знаю, это то, что сейчас 2010 год, и я в Токио. Я приехала в Японию месяц назад с подругой Барой, чтобы узнать что-то о стране, которая очаровала меня в четырнадцать лет.

Я иду по узкой улице между барами и ресторанами в Сибуя, и Я чувствую себя странно. Отовсюду слышен японский, которого я не понимаю. Я знаю только несколько слов. Этого определённо недостаточно для того, чтобы понять, что говорят окружающие меня люди. Миллионы музыкальных джинглов⁶ слышно в воздухе, каждый бар, каждый ресторан издаёт свою мелодию.

На земле сидят группы смеющихся парней и девушек на двухметровых каблуках. Я слышу смех. Куда ни глянь, везде светит голая кожа. Ноги, девочки в мини-юбках, голые плечи, животы и бёдра. Пустые пивные банки на земле. В воздухе смешиваются запахи духов, морской соли и соевого соуса. Я спотыкаюсь о бордюры. Две девушки сидят напротив меня. Одна блюет и, очевидно, не знает где она. Вторая пытается поднять её на ноги и звонит кому-то. У меня нет желания помогать им. Я и сама сейчас в передрыге. У меня большое окно.

Я достаю из кармана телефон и пытаюсь позвонить Баре. Минуту идёт вызов, а затем прозвучит звуковой сигнал, и соединение потеряно. Я вспоминаю, когда мы последний раз виделись? Где я её оставила? Почему мы вообще отделились друг от друга? Ведь мы были вместе до сих пор. Даже ключ от квартиры мистера Пепы, где мы живем, у нас только один. Буду ли Я напиваться в баре? Глупость, в конце концов, мой парень, который остался в Праге, запретил мне пить здесь, чтобы я ему не изменила по пьяни с каким-то японцем. За всё время пребывания тут, Я выпила только одну банку пива, и когда Я призналась ему, то он устроил сцену по скайпу. Я снова пытаюсь позвонить Баре. Но телефон снова издаёт звуковой сигнал, и всё. Как я оказался здесь? Где мы вообще были сегодня? Я хватаюсь руками за голову и задумываюсь. Запах соевого соуса в воздухе проникает в мой желудок. Но я не голодна. Я даже не хочу пить. Где я вообще была сегодня? И ела ли я вообще что-нибудь? Я смутно помню, как мы

⁶ Джингл - представляет собой короткую законченную музыкальную фразу с вокальной пропевкой.

сидели днём с Барой недалеко отсюда, на скамейке у статуи собаки Хатико. Мы обсуждали людей вокруг нас, смеялись над каким-то парнем со странно накрашенными глазами, и ели онигири⁷. Я мечтала не возвращаться домой. Чтобы Я могла остаться здесь и узнать что-то еще. С того времени ничего. Чернота и тьма. Может быть, Бара отчаянно ищет меня. Или же она вернулась домой и ждёт пока Я вернусь. Когда вернусь, она точно меня отругает, мол где Я бродила. Я встала и отрясла задницу. Метро в это время уже не работает, Я должна идти пешком. Дорогу домой к счастью, Я помню. Мы живём на Комабе, это не так далеко, можно дойти пешком.

Я выдвигаюсь в Комабо⁸, но прежде, Я вернулась на Сибую. Должно быть, не туда повернула. Что если Я была просто пьяна? Странно, мои ноги совсем не запутываются. Даже в голове всё ясно, как будто только что проснулась после очень долгого сна. С непониманием смотрю на статую Хатико перед собой. Недалеко от меня выпивает компания работников в костюмах. Ребята смеются, курят и пытаются запихнуть своего пьяного коллегу в камеру хранения багажа. Я осмотрелась вокруг. Сотни людей проходят тут днём, но ночью пересечение в Сибую безлюдно. Я снова направляюсь в Комабу. Однако после недолгой хотьбы оказываюсь перед статуей собаки Хатико, где мы с Барой попрощались во второй половине дня. Черт, Я такая беспомощная, что даже не могу дойти домой? Я ведь изучала эту дорогу по крайней мере раз пятнадцать. Снова попытаюсь позвонить Баре, но и сейчас безуспешно. Может быть, она не беспокоится за меня. Япония безопасная страна, надеюсь, что она легла спать и напрасно не переживает.

Я присела на бордюр и начала искать пачку сигарет. Но не могу её найти, вероятно, обронила её по пути. У меня даже нет денег с собой. Только паспорт внутри кармана джинсовой куртки. Я открываю его и смотрю на своё фото на первой странице, Яна Купкова, семнадцать лет, я выгляжу ужасно. Парень, который фотографировал меня, был полным идиотом, он всё время смотрел на мою грудь. Вот почему Я такая нахмуренная, поэтому на фото выгляжу как

⁷ Японское блюдо из риса слепленного в виде треугольника или шара.

⁸ Железнодорожная станция на линиях Инокасира, расположенная в специальном районе Мэгуро, Токио.

убийца. Сажу на скамейке, напротив статуи Хатико. Сегодня было жарко, лавочка ещё тёплая. Небо над Токио жёлтое, звёзды не видны. Если бы их было видно, они, вероятно, бы выглядели иначе, чем звёзды над Прагой.

Мне тут нравится. Я бы хотела тут остаться навсегда, я вообще не хочу возвращаться в Чехию. Я понимаю, что по возвращению, мне надо будет расстаться с парнем. Он сильно меня ограничивает. До меня это только дошло. Он звонит мне каждый день, контролирует меня как маленькую и совсем мне не верит. С таким человеком я не хочу встречаться. Я засмотрелась на статую собаки напротив меня. Она не очень красивая. Бронзовая собака породы акита-ину. Японцы установили здесь эту статую, потому что были тронуты тем, как эта собака приходила сюда каждый день, даже после смерти своего хозяина и верно ждала его здесь. Молодые люди ходят сюда на свидание, как мы в Праге под лошадью, на Вацлавской площади. Это место полное ожиданий. После минуты наблюдения за работниками напротив, Я поднимаюсь и снова пытаюсь вернуться домой. Хотя уже поздно, но Я не очень устала. Иду, многоэтажки мерцают, эту дорогу Я хорошо знаю. Прохожу ресторан с ramen⁹, круглосуточный магазин, мороженника (он делает мороженное из чая и бобов) и прохожу мимо нескольких закрытых бутиков. Скоро уже доберусь до парка, обойду его и буду недалеко от перехода в сторону Комабы. Но, Я снова вышла к статуе Хатико.

3.1 Комментарий к переводу

В качестве первой проблемы перевода, я столкнулся сразу же в названии произведения «Проснуться в Сибуре» Здесь необходимо было решить, сохранить ли этот японский термин в чешском переводе, заменить его русским эквивалентом или правильно просклонять.

Тут так же возникла проблема с топонимом. В русском языке название района пишется в мужском роде. Поэтому мне пришлось понять, склоняется ли данное слово или нет.

⁹ Рамен – японское блюдо с пшеничной лапшой.

Слово «Сибуя» - название японского района в Токио, уже с самого начала у меня возникли проблемы со склонением данного слова.

Это, конечно, дополняется объяснением этого понятия на русском языке в форме сноски. Этим сохраняется подлинность текста.

Подобная проблема возникла и с железнодорожной станцией «Комаба». Название станции является женским родом, то есть оно склоняется. В чем мы можем убедиться в тексте.

Следующие проблемы, с которыми мне приходилось сталкиваться, это названия: пород животных, названия блюд, улиц, имён, электротехники. Также в тексте присутствовали ласкательно-уменьшительные слова, которые в русском языке имеют другие значения, например: «Brouček» - прямое значение «жучок», но по контексту правильным переводом является «малютка», «малыш».

Имена также приносили не малые затруднения в переводе, например: «Karlík» - можно подумать, что это «карлик» - человек с аномально низким ростом, но правильный перевод данного имени - «Чарли», или «Satoru» - это японский глагол означающий «знать» или «понимать», но также это может быть японским именем, что в тексте и подразумевается.

Mám totiž pořádný okno – данное предложение вызвало у меня проблему в переводе, по-этому мне пришлось перевести данный отрывок дословно, то есть в переводе «У меня большое окно».

Главная сложность в переводе была в построении диалогов, ведь довольно большой фрагмент посвящен диалогам.

4. Заключение

Цель представленной дипломной работы состояла в том, чтобы представить Перевод выбранных фрагментов с чешского на русский язык, с комментарием.

Первая глава посвящена краткой биографии Анны Цимы.

Во второй части мы ознакомились с теоретическими основами и типами перевода.

Третья часть представленной дипломной работы посвящена самому переводу фрагментов «Проснуться в Сибуя» с чешского на русский язык, и возникшим проблемам в процессе перевода. Прочитав данную часть, можно понять, что с особо тяжёлыми проблемами мы не сталкиваемся.

Работа по теоретической части обогатила меня новыми знаниями в области перевода. В практической части я расширил свой словарный запас и опробовал, насколько трудна переводческая работа. Перевод данных фрагментов, я оцениваю как весьма полезный опыт для своего дальнейшего роста.

5.Резюме

Бакалаврская работа состоит из двух частей – теоретической и практической. В теоретической части в краткости представлена биография и обзор творчества современной чешской писательницы Анны Цимы.

Практическая часть содержит перевод романа «Проснуться в Сибуя», который до сих пор не переведён на русский язык. Перевод дополнен комментарием акцентирующим конкретные проблемы, которые возникали в процессе перевода.

6. Литература

1. Cima, A. Probudím se na Šibuji, Paseka, 2018.
2. Richterek, O. Dialog kultur v uměleckém překladu. Hradec Králové, 1999.
3. Levý, J. Umění překladu. Praha Československý spisovatel 1963.
4. Letošek má svůj objev. Román Probudim se na Šibuji a autorku Annu Cimu.
5. FIŠER, Zbyněk. Překlad jako kreativní proces: teorie a praxe funkcionalistického překládání. Vyd. 1. Brno: Host, 2009. Studium (Host). S. 131-136
6. https://cs.wikipedia.org/wiki/Anna_Cima

7. Вложения

7.1 Оригинал произведения «Проснуться в Сибуя»

Anna Cima

Probudím se na Šibuji

román

svym panelákovým bytě na Pankráci. Fakt mystickéj zážitek. Tak zaprvý bys měla vidět ty zoufalce, co tam přišli. Zkrachovalej podnikatel, matka v domácnosti se čtyřma dětma, prodavačka z trafiky a já s matkou. Všichni se těšili, že až podstoupí iniciační rituál, tak se jim jako zázrakem začne dařit. Že uvidí pravdu daleko zřetelněji než obyčejní lidé.

Pro iniciační rituál měla ta Nováková vyhrazenej celej jeden pokoj. Trochu připomínal máminu věštírnu. Na jedný zdi byl pověšenej obraz Ježíše, na další visel Buddha a na třetí nějaký africký božstvo. Měli jsme si sednout k tý zdi, která nám byla duševně nejbliž. Pak jsme zavřeli oči a Nováková asi tři čtvrtě hodiny funěla v rohu, odkud na nás údajně vysílala energii.“

„A vidíš od tý doby pravdu ostřeji?“

„Pochopila jsem, jak jsou tyhle věci zbytečný a jak to blbne lidi.“

„Tak vidíš, aspoň k něčemu to bylo, ne?“

4.

Naši jsou pořád spolu. Jsem asi v celým širým okolí jedinej člověk, jehož rodiče se nerozvedli. První vlna rozvodů rodičů zasáhla naši generaci tak ve druhý třídě. Moje sestra, která tehdy chodila ještě do školky, si takhle jednou o víkend u jídelního stolu, když se najednou mimoděk zeptala otce: „Tati, kdy se s mámou rozvedete?“

Otec, kterej zrovna vařil večeři, zůstal s obracečkou v ruce nechápavě stát uprostřed kuchyně.

„Co to říkáš, broučku? Proč bychom se měli rozvádět?“

„Já jen že rodiče ostatních už jsou všichni rozvedený a jenom vy pořád ne. Tak mě zajímá, kdy to přijde,“ kreslila si sestra nevzrušeně dál. Myslela si, že rozvod je běžná součást rodinnýho života, a cítila se mezi ostatníma dětma znevýhodněná, protože naši byli ještě pořád spolu. Taky na sebe nekřičeli, nedělali scény a bydleli pořád ve společným domě. Sestra nedokázala pochopit, jak je možný, že rodiče Anetky, Majdy a Karlíka všechny tyhle věci už dělají, zatímco naši se k tomu ještě nedopracovali.

Největší zásluhu na tom, že se naši nerozvedli, má máma, která dokonale ovládá zásadu, kterou se v minulém století řídily japonské manželky, a to *nutnost vytrvat*. Nemyslím si, že je úplně správný, aby manželka vždycky všechno vytrpěla, ale mámina schopnost vytrvat bezpochyby podepřela vztah s otcem, takže se nerozpadl.

Můj otec sice není buddhistický mnich na Srí Lance, ale v poslední době vede téměř mnišské život, věčně se zavírá ve své pracovně, odkud vylejzá jenom na večeri. Mám pocit, že ho skoro nezajímá, co dělají lidi kolem něj. Tak třeba moje psaní je mu úplně fuk. Ještě před pár lety mě občas zastavil a zeptal se, co čtu a jak se mi to líbí, nebo jestli mu nepřechtu kousek z toho, co zrovna píšu. Ale poslední dobou už se mě neptá na nic. Nezajímá ho ani, co dělá máma v práci anebo jak jde sestře škola. Pořád pracuje a čte a na nás už mu nezbyvá energie. Pozorovat ho je smutný. Ale stále si říkám, že je to lepší, než kdyby byl na Srí Lance.

Máma mě v psaní podporuje. Akorát mi pořád říká: „Mně se nejvíc líbilo, jak jsi tehdy psala o naší babičce. Proč zase nenapišeš něco o babičce?“ Jenomže já si myslím, že autor se má vyvíjet. A o babičkách už toho bylo napsáno tolik, že další Babičku česká literatura nepotřebuje.

5.

Moje druhá kamarádka se jmenuje Mačiko Kawakamiová a pochází z Jokohamy.

„Menuju se Mačiko. Ráda jím kravaty.“

„Cože?“ nechápu.

„Mošský kravaty. Kravaty, co žijó v moži,“ vysvětluje.

Mhouřím oči a přemýšlím.

„Myslíš krevety?“

„Jó, kurevety, sem spletla. Mám po krk,“ naznačí Mačiko rukou, že je vyřízená.

Na rozdíl od Kristýny je na první pohled nenápadná, nekřičí a vypadá, že ji každou chvíli odfoukne vítr. Teprve když si s ní člověk sedne v hospodě, pochopí, jak moc se tahle holka liší od všech stereotypních Japonek, co si objednávají horkou čokoládu, hovoří tiše a zakrývají si pusy, když se smějou.

si začaly prohlížet jeho nahý tělo. Rodiče při tomhle posvátným rituálu samozřejmě nesměli být doma.

„Ty jo, ten je hezkej!“

Toširó nás obdařil vyčítavým pohledem.

„A vůbec nemá tak chlupatý prsa jako náš táta!“

„Japonci nejsou tak chlupatý.“

Zdálo se mi, že se Mifune červená. Ale nebylo to možný. Vždyť to byl černobílý film.

„Mně se líbí,“ zamyslela se sestra, „jak má takovej nakrčený nos, když se mračí. A vůbec,“ natáhla se ještě blíže k televizi, „má fakt pěkný oči.“

„To má,“ souhlasila jsem, „škoda, že takový Japonci nežijou v Česku.“

„Šla bys do něj?“ zeptala se sestra.

„Do Toška? Si piš.“

Prohlížely jsme si červenajícího se Mifuncho tak zblízka, jak to jen šlo. Jenomže on potom sáhl do kapsy a vytáhl z ní dálkový ovládání. Namířil na nás a zmáčknul „play“. Asi už nemohl vydržet, jak na něj nestoudně zíráme, a ještě to hlasitě komentujeme. Film se zase rozběhl. Vyměnily jsme si se sestrou nespokojené pohledy.

„Ukaž,“ vytrhla mi sestra dálkový ovládání z ruky a přetočila scénu znovu na začátek, „teď si ho pauznu já.“

12.

V šestnácti jsem si poprvý a naposledy v životě dala inzerát. Chtěla jsem si najít japonskýho kamaráda nebo kamarádku. Bylo to tehdy fakt nevinný. Japonsky jsem neuměla ani kváknout, ale anglicky už jsem se dorozuměla slušně. Ozval se mi nějaký Satoru. Bydlel v Plzni a byl o dost starší než já.

Nutno přiznat, že mi přišel podezřelej už od začátku. Ale nemohla jsem přece zahodit příležitost. Tak jsem si s ním dala schůzku na Zličíně v obchodáku. Říkala jsem si, že tam bude plno lidí, a kdyby se nedejbože začalo něco dít, zakřičím a někdo určitě zakročí. Když jsem dorazila na místo schůzky, Satoru už tam byl. Na první pohled vypadal obyčejně. Trochu jsem se uklidnila.

„Hele,“ řekla jsem mu hnedka z kraje, „já hledám jenom kamaráda, jasný?“

„Jasný,“ přitakal. Objednali jsme si kafe.

„Kolik ti je?“ zeptal se mě.

„Šestnáct. A tobě?“

„Třicet.“

Zjištění, že můj potenciální kamarád je o čtrnáct let starší než já, mě poněkud vyvedlo z míry. Zapíchla jsem pohled do kafe před sebou. O čem si s ním mám povídat? O čem se baví třicetiletí muži? Ale ještě než jsem stihla zahájit konverzaci nějakou vhodnou otázkou, Satoru mě předběhl.

„Můžu na tebe sahat?“ zeptal se mě.

„Cože?“ vytrčela jsem oči. To teda bylo rychlý. „Nemůžeš,“ zavrtěla jsem rychle hlavou, „já fakt hledám jenom kamaráda.“

Sledovala jsem, jak se jeho ruka plíží po stole k mému kafi.

„Myslím to vážně,“ řekla jsem mu, „nech toho, nebo půjdu domů!“

Satoru se zatvářil jako nakopnutý pes. Potom ruku stáhnul zpátky ke svému hrnku. Ulevilo se mi. Tak tohleto jsme si vyjasnili. Teď je potřeba zapříst konverzaci.

„Co děláš za práci?“ zeptala jsem se ho.

„Dělám v japonské firmě, co vyrábí televize. A ty?“

„Jsem ve druháku na gymplu.“

Ruka už se zase plížila po stole.

„Vážně tě nemůžu ani chytit za ruku? Moc bych si to přál.“

„Ne!“

„Jsem moc osamělý...“

Nemělo to cenu. Nechala jsem si přinést účet a vydala se domů. Jenomže v tom mě Satoru popadl za zápěstí a táhl mě obchodákem na opačnou stranu, než jsem měla namířeno.

„Pusť mě!“

„Neboj, chci ti jenom něco ukázat!“ vlekl mě chodbou dál.

„Ale já nic vidět nechci!“

„Jenom se neboj a pojď.“

Co mi proboha chce ukazovat? Vážně jsem zvažovala, že začnu řvát o pomoc, když mě Satoru konečně pustil.

Stáli jsme před obchodem s elektronikou. Vůbec jsem nechápala, co se děje.

„Pojď!“ řekl mi a vyrazil směrem k televizím. Zkoprněle jsem ho následovala. Prošli jsme kolem vysavačů, holicích strojků a rádií. Dorazili jsme k plazmovejm televizím.

„Hezký,“ řekla jsem. Ale Satoru mi nechtěl ukázat televize. Donutil mě obejít regály zezadu, takže jsme koukali na hromadu kabelů a tlačítek, který čouhaly ze zadků obrazovek. Necháपavě jsem na to civěla. Vůbec mi nedocházelo, o co tady jde. Pak se Satoru naklonil k nejbližší televizi a ukázal prstem na čárový kód nalepený pod výstupem nejtlustšího kabelu.

Nahnula jsem se trochu blíž. Na malý nálepce tady stálo: „*Zkontroloval Satoru Tanaka.*“

„To jsem zkontroloval já,“ pronesl Satoru a hrdě vypnul hrud. Potom mi vlepil pusou. Ani jsem nestihla nic namítnout. Zůstala jsem opařeně stát ve změti kabelů. Tak mě políbil úplně cizí Japonec. Obchodákem se táhle linula píseň *Love Is In the Air*.

V prváku na vejšce jsem se s tímhle zážitkem svěčila spolužačce. Ani nemrkla, vytáhla mobil a cosi na něm chvíli mačkala. Potom mi přístroj strčila před obličej.

„Byl to tenhle?“ zeptala se suše.

Evidentně jsem nebyla jediná, koho se Satoru pokusil omráčit televizí.

13.

Ve druháku na gymplu mě naši přistihli, jak se snažím sníst jogurt hůlkama. Pochopili, že na tohle už jsou krátcí (otec mi doporučil všechny japonský filmy, co znal, a dál už si nevěděl rady), a tak mě svěřili do laskavé péče jednoho postaršího japanologa.

Pan učitel měl malou pracovnu v centru Prahy, doslova obloženou knihama, úplně bílý vlasy a zářivě modrý oči. Takhle nějak jsem si v dětství představovala Ježíška. Za mlada to musel bejt nádhernej chlap. I teď to byl štramák. Usadil mě ke svému stolu na rozvrzanou dřevěnou židli. Stůl byl plnej počmáraných papírů, slovníků a knih.

1.

Je sobota v noci. Bezpečně vím jenom to, že je rok 2010 a já jsem v Tokiu. Do Japonska jsem přijela před měsícem spolu s kamarádkou Bárrou, abych se tu dozvěděla něco o zemi, která mě fascinuje už od čtrnácti.

Jdu úzkou ulicí mezi bary a restauracemi na Šibuji a připadám si divně. Všude kolem slyším japonštinu, který nerozumím. Zním jenom pár slovíček. To rozhodně nestačí k tomu, abych pochytala, co si říkají lidi kolem mě. Vzduchem sviští miliony hudebních znělek, každé bar, každá restaurace vyhrává svoji melodii. Na zemi sedí hloučky vysmátejších týpků a holek na dvoumetrových podpatcích. Slyším smích. Kam se člověk podívá, všude září holá kůže. Holčičí nohy v minisukních, odhalený ramena, břicha

a boky. Prázdný plechovky od piva na zemi. Ve vzduchu se mísí vůně parfémů, mořský soli a sójový omáčky. Kecnu si na obrubník. Naproti mně sedí dvě holky. Jedna zvrací a evidentně neví, kde je. Druhá se ji pokouší vytáhnout na nohy a komusi telefonuje. Nemám chuť jim pomáhat. Sama jsem v dobrý bryndě. Mám totiž pořádný okno.

Vytáhnu z kapsy mobil a zkusím zavolat Báře. Chvilku to vyzvání a potom se ozve pípnutí a spojení se přeruší. Přemýšlím, kdy jsme se viděly naposledy. Kde jsem ji zanechala? Proč jsme se od sebe vůbec oddělovaly? Vždyť jsme doteď byly pořád spolu. I klíče od bytu pana Pepy, kde bydlíme, máme jenom jedny. Že bych se opila v nějakým baru? Blbost. Vždyť mi můj kluk, co zůstal v Praze, zakázal tady pít, abych ho náhodou v opilosti nepodvedla s nějakým Japoncem. Za celý pobyt jsem tu měla jen jednu plechovku piva, a když jsem mu to přiznala, ztropil přes skype hroznou scénu.

Zkousím znovu zavolat Báře. Ale mobil zase jenom zapípá a konec. Jak jsem se tu ocitla? Kde jsme to vlastně dneska byly? Dám si ruce na spánky a zamyslím se. Vůně sójový omáčky ve vzduchu mi proniká až do žaludku. Ale nemám hlad. Nemám ani žízeň. Kde jsem to jenom dneska byla? A jedla jsem vůbec něco?

Matně se mi vybavuje, jak jsme odpoledne seděly s Bárrou nedaleko odtud na lavičce u sochy psa Hačikó. Komentovaly jsme lidi kolem sebe, smály jsme se nějakému týpkovi s podivně namalovanejma očima a jedly jsme *onigiri*. Přála jsem si, abych se nemusela vrátit domů. Abych tady mohla zůstat a ještě něco tu zažít. Od té doby nic. Černo a tma. Možná mě Bára zoufale hledá. Anebo se vrátila domů a čeká, až přijdu. Až se objevím, určitě mě sprdne, kde jsem se to toulala. Vstanu a opráším si zadek. Metro už v tuhle hodinu nejezdí, musím pěšky. Cestu do bytu pana Pepy si naštěstí pamatuju. Bydlí na Komabě, to není tak daleko, dá se tam dojít pěšky.

2.

Vydám se na Komabu, ale než se naděju, jsem zpátky na Šibuji. Asi jsem po cestě špatně zahnula. Že bych přeci jenom byla opilá? Zvláštní, nohy se mi vůbec nemotají. I v hlavě mám jasno, jako kdybych se zrovna probudila z hodně dlouhého spánku. Nechápatě zírám na sochu Hačikó před sebou. Kousek ode mě se opíjí banda salarymanů v oblecích. Týpci se smějou, kouří a snaží se nacpat svého namol ožralého kolegu do skříňky na zavazadla.

Rozhlídnou se. Přes den se tu pohybují stovky lidí, ale v noci je křižovatka na Šibuji liduprázdná. Zase se vydám na Komabu. Jenomže po chvilce chůze skončím před sochou psa Hačikó, kde jsme se s Bárou odpoledne rozloučily. Do háje, to jsem tak nemožná, že ani netrefím domů? Vždyť jsem tuhle cestu absolvovala už nejmíň patnáctkrát. Zkusím Báře znovu zavolat, ale ani teď nejsem úspěšná. Snad si o mě nedělá starosti. Japonsko je bezpečná země, doufám, že si šla lehnout a zbytečně nevyšiluje.

Posadím se na obrubník a začnu hledat krabičku cigaret. Ale nemůžu ji najít, asi jsem ji vytrousila po cestě. Nemám u sebe ani žádný peníze. Jenom pas zasunutej ve vnitřní kapse džínový bundy. Otevřu ho a podívám se na svoji fotku na přední stránce. Jana Kupková, sedmnáct let. Vypadám příšerně. Ten chlap, co mě fotil, byl úplnej idiot, celou dobu mi čuměl na prsa. Proto jsem se na něj tak mračila, takže teď na fotce vypadám jako vrah. Posadím se na lavičku naproti soše Hačikó. Dnes bylo horko, dřevo je vyhřátý. Nebe nad Tokiem je žlutý, hvězdy nejsou vidět. Kdyby vidět byly, asi by vypadaly jinak než hvězdy nad Prahou.

Líbí se mi tu. Chtěla bych tu zůstat na věky, vůbec se nechci vrátit do Česka. Je mi jasný, že až se vrátím, budu se muset rozejít se svým klukem. Hrozně mě omezuje. Došlo mi to až tady. Každý den mi telefonuje, kontroluje mě jako malou a vůbec mi nevěří. S takovymhle člověkem chodit nechci.

Zadívám se na sochu psa naproti sobě. Není moc pěkná. Připosraženéj bronzovej psík plemene Akita Inu. Japonci tady tu sochu postavili, protože je dojalo, jak sem kdysi

tenhle pes i po smrti svého pána každě den chodil a věrně tu na něj čekal. Mladí si tu dávají rande jako my v Praze pod koněm na Václaváku. Je to místo plný očekávání.

Po chvíli pozorování salarymanů naproti se zvednu a zase se pokusím dojít domů. Přestože je pozdě, nejsem vůbec unavená. Jdu, baráky se míhají, dobře tuhle cestu znám. Minu restauraci s rámenem, dvacet čtyři hodin denně fungující večerku, zmrzlináře (dělá čajovou a fazolovou zmrzlinu) a projdu kolem několika zavřenejch butíků. Zakrátko se dostanu k parku, projdu kolem a už budu kousek od nadchodu směrem na Komabu.

Jenomže zase vyjdu u sochy Hačikó.

3.

Nechápu, co se to děje. Nejsem zfetovaná? Ihned zavřím hlavou. V Japonsku je i blbá tráva přísně postihovaná. K drogám jsem se určitě nedostala. Dobrovolně bych si nic nedala. Nepila jsem, takže mi ani nikdo nemohl nic přimíchat do pití. Tak co jsem vlastně doteď dělala? Jak jsem se tu ocitla? Znovu, snad už po pátý, zavolám Báře. Nic. V mobilu to jen zapípá. Ještě jednou se vydám domů. A zase skončím u sochy věrně čekajícího Hačikó. Posadím se na lavičku. Teď začínám panikařit.

Štípnu se do ruky. Nebolí mě to. Štípnu se tak, až mi zmodrá kůže. Nebolí to. Nemám hlad, nemám ani žízeň a nejsem unavená. Jsem vůbec živá? Neumřela jsem? Nejsem duch? Proboha, nad jakejma pitomostma tady přemýšlím.

Znovu vstanu a vydám se domů. Nemám klíče, nemám peníze, mobil mi nefunguje, co budu jenom dělat? Vezmu to jinudy. Po hlavní třídě, kolem obchodů se suvenýry. Dojdu k obrovskému knihkupectví, projdu kolem něj, zahnu doleva, jdu, jdu, jdu. Minu restauraci, kde dělají *okonomijaki*, minu dvě sušárny, minu obří nákupní centrum s oblečením. Zahnu doleva, pár kroků, dostávám se k parku, brzy uvidím chrám. Zahnu doprava. A jsem u Hačikó.

Jsem tady uvězněná.

Posadím se na chodník před sochu a chytím si hlavu do dlaní. Co se to děje? Zdá se mi to? Ano! Musí to bejt